24.07.94.

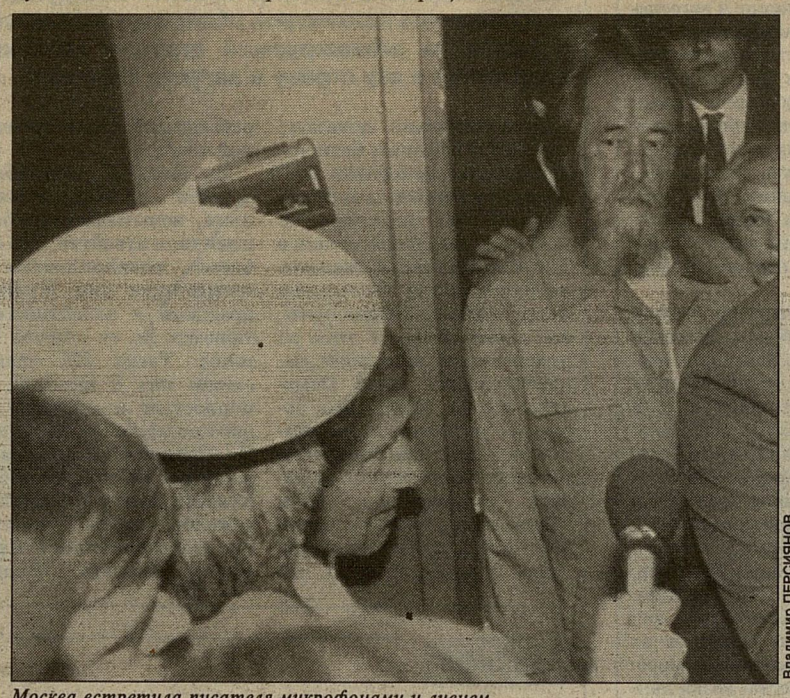
Моск. новости. – 1994. – 24-31 июля. – С. 4.

Солженицын А. И.

Выбранные места из разговоров в пути

Около двух месяцев Александр Солженицын ехал из Владивостока в Москву, посетив за это время почти все крупные города по Транссибирской магистрали. Останавливался в них на несколько дней, работал по 14 часов в сутки. «Я встречался поодиночке, с группами по 3 – 5 человек, с группами в 30 – 50 человек, с аудиториями в полторы тысячи и больше, – заявил писатель на Ярославском вокзале в Москве. – Я всех их сегодня благодарю за теплую, горячую встречу и за все бесчисленные добрые слова, которые я выслушал от них». И хотя по приезде в Москву Александр Солженицын уже несколько раз выступил перед телекамерами, рассказав о некоторых итогах своего путешествия, есть смысл – в ожидании газетных публикаций – вернуться к его непосредственным дорожным впечатлениям, разговорам в пути.

Путешествие по Родине: карта долгого возвращения.



Владимир ПЕРСИЯНОВ

Москва встретила писателя микрофонами и ливнем.

ЦЕЛЬ ПОЕЗДКИ

– Я приехал сюда не как триумфатор. Я приехал как человек, который главную литературную задачу своей жизни выполнил. И хотя мне 75 лет, но, слава Богу, есть здоровье, и я хочу сейчас помочь моей страдающей стране. Имя у меня какое-то есть, значит, будет какое-то влияние, может, я как-то смогу воздействовать на нашу общественную жизнь. Надеюсь...

Моя задача – искать не то частное, что происходит только во Владивостоке, а то общее, что объединяет все города. Это ведь наше главное физическое тело, наш континент – Сибирь!

ОПОЗДАЛ ЛИ?

– Мысль не нова. Она уже становится расхожей монетой. Но еще несколько лет назад россияне имели довольно смутное мнение о моей позиции, о моих работах. А значит, возвращение не получило бы такого отклика, как сейчас. Нет, я не опоздал. Хотя бы потому, что еще могу предостеречь соотечественников от возможных ошибок.

ОПАСНОСТИ В ДОРОГЕ – ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ

– Беда, конечно, беда! Меня чрезвычайно стесняет все это окружение и неимоверное количество прессы, которая не дает разговаривать с простыми людьми. Если я пошел разговаривать с доярками, они тут же хотят снимать, что отвечают доярки. Это же разрушение всего, любого общения... Я записываю только правду. Она же видна! Так что потемкинские деревни меня не обманут. Я ведь тоже все вижу: меня повели в лучшую больницу, в лучшую школу.

ПРОВИНЦИЯ И МОСКВА

– Москва сама себя заводит и живет сама для себя, не для России. Потому что живую связь с глубинкой утратила. Идет борьба партий, группировок, борьба за власть и за деньги, которые дает эта власть. За этими бесславными сражениями верхов проигрывает пока только народ. При победе любой партии он все равно будет в проигрыше. Так что я никаких партий не придерживаюсь. Все хуже. Словом, надежда на русский ум и здравый смысл, на глубину и глубинку.

ДЕРЕВНЯ

– Земля, которая считается государственной, я напомню вам, на 80 процентов украдена у крестьян. Ибо октябрьский переворот не дал землю людям, крестьянам, а отнял землю. Он объявил ее национальной собственностью! Хотя она была крестьянской, 82 процента было земли у крестьян. Государство ограбило их, с этого начался октябрьский переворот и славный коммунизм.

Есть мнение, что деревню споили. У меня иное. Я убежден в том, что без деревни мы погибнем. Она сейчас в дреме, ее надо спасать. И главный вопрос, как всегда, о земле. Нужно сделать так, чтобы не распродали русскую землю разным жуликам и проходимцам. Такое может случиться, если не остановить новый закон о земле, неверный закон. Слава Богу, что его еще не приняли. В центральной печати я прочитал, что надо землю продавать с аукциона. Это же бред. В чьих кошельках сейчас миллиарды рублей и долларов? Ясно ведь. У меня после многих встреч с крестьянами, сельскими специалистами есть ряд соображений по земле. В Москве я их выскажу.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РУССКИЙ ХАРАКТЕР КАК ДАННОСТЬ?

– Видимо, да. Как и русский вопрос. Мы стали другими, а может быть, и были другими, нежели казались раньше. Об этом я подробно пишу в статье «Русский вопрос к концу XX века». Она опубликуется в июльском номере журнала «Новый мир».

А что такое патриотизм? Я формулирую это так: «Это сильное и настойчивое чувство любви к своей матери и своему народу без угодливого оправдания его несправедливых притязаний, с откровенным признанием его пороков и грехов». И я подтверждаю, что я – патриот. Никогда мы не добьемся ничего, пока не поверим сами, что мы есть народ и мы есть вершители собственной судьбы.

ГОСПОДА И ТОВАРИЩИ

– Обращение к людям, поверженным в нищету, с этим словом «господа» мне кажется издевкой или чиновничьей высокомерной слепотой. В лагере, скажем, мы к вертухаям обращались «гражданин начальник», на фронте самым лучшим было слово «товарищ». Его с перестройкой замарали. Или вот Солоухин предлагал ввести в обращение слова «сударь», «сударыня». Не прижилось. На мой взгляд, по-русски проще обращаться по имени-отчеству, это уважительней, чем господин. Это корни, родословная. И «господа», уверен, не приживутся. Возможно, вернется обращение «товарищ» – хорошее русское слово. Но ему надо лет двадцать отдохнуть, пообчиститься. А пока использовать наше богатство – имя и отчество.

ВЛАСТЬ, РЕФОРМЫ, ДЕМОКРАТИЯ

– Все дело в том, что к управлению страной стремятся мальчишки, честолюбцы, которых в этом привлекает в первую очередь положение да приличествующие ему привилегии. Между тем власть – это прежде всего жертвенное служение народу.

Крупный прокол реформаторов в том, что они пошли обычным революционным путем – «до основанья, а затем...». Хотя, как говорится, дураку ясно, требовались эволюционность, плавный и медленный переход. Сохраняя старый экономический механизм, оживлять его надо было снизу. Наши беды еще и оттого, что реформы пошли в условиях недостатка правосознания и ответственности в народе.

Покончив с режимом КПСС, мы выбрали извилистый и весьма замысловатый путь, родив в итоге номенклатурную демократию, ничего общего с истинной демократией не имеющую. Полтора года две властные структуры в Москве ожесточенно бились друг с другом, напрочь забыв о России и ее людях. Девальвированы духовные ценности, общество разъедает коррупция и захлестывает преступность. Но мы не выйдем из этого дьявольского круга, пока не осознаем глубоко свое человеческое предназначение, пока в обществе не начнется процесс самоочищения.

РАСКАЯНИЕ И ПРОЩЕНИЕ

– Естественно, сегодняшнее положение в стране для многих гораздо важнее нашего прошлого. И нельзя отказать в справедливости этого живого чувства. Но истоки нынешних трудностей России там, в тех страшных годах.

Конечно, раскаяние должно очистить атмосферу. Если бы сейчас началась серия раскаяний : публичных, газетных, в общественных выступлениях, в личных заявлениях, начала бы меняться обстановка в стране и наверняка бы возникла встречная волна, типичная для русского человека,– желание простить... Сегодняшние воры, сегодняшние «коммерсанты», сегодняшняя мафия – они тоже должны раскаяться. Они мешают нам сегодня жить!

По-христиански полагается прощать за себя, но никто не обязан прощать за других. А что касается меня – у меня положение особенное. Мне, конечно, за 60 миллионов простить трудно. Меня спрашивают: обижаюсь ли я за себя? Да нисколько. Я считаю, что и посадили меня правильно, и выпустили... А за других... Ну, я еще не видел раскаяния, посмотрим... Раскаяние предполагает какие-то и жертвы встречные.

А вы знаете, что они меня убивали, травили рицином – это ведь уже доказано. Имелись сведения и о попытках осуществить взрыв в Цюрихе возле дома, в котором я жил... Чувствуя Божию милость, мы одновременно чувствуем и обязанность перед Богом и перед совестью. И каждый обязан посильными методами делать то, что он может.

«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

– «Архипелаг» сделал свое дело, как я хотел. Он дал ужасающую картину уничтожения, просветлив при этом душевным очищением. Из всего, что я написал, весь мир знает в первую очередь «Архипелаг ГУЛАГ». А «Красное колесо»... Видите ли, моя задача была такая: Бог послал мне все условия для работы. Я о таких и мечтать не мог. Так, как я 18 лет жил в Вермонте, я не знаю, кто из русских писателей жил. Мне были открыты все русские архивы (а они там очень богатые), библиотеки, для работы было практически неограниченное время. Я обязан был создать истинную картину русской революции, потому что я знаю, что потом ее не создадут – следующему поколению это будет еще труднее. Я выполнил свою задачу в том числе и перед теми, кто потом будет пытаться оболгать нашу историю. Эта книга не для массового читателя. Главная задача, которую я перед собой ставил, – чтобы нельзя было оспорить этой картины. Честно говоря, я удовлетворен своей работой.

ОТВЕТ ЛИМОНОВУ НА УПРЕКИ В БАРСТВЕ

– Помню такого Лимонова, нашумевшего в Америке похабщиной, воспевающего русский мат и гомосексуальный интим с неграми. С Лимоновым в Штатах встречаться не доводилось. А сейчас он как изменился, политиком стал. Не думаю, что стоит перед Лимоновыми оправдываться. Если бы я барствовал, за свой счет арендовал пару вагонов, железная дорога ободрала бы как липку. Она сейчас всех в России обирает. Немыслимо дорогой транспорт вообще стал в стране. Цены лишают россиян свободы передвижения. Нашу поездку оплачивает Би-би-си, но и права на отснятый фильм о поездке, о встречах с людьми – у нее...

И какой-нибудь Лимонов, который, когда я 20 лет спорил с Западом, что Россия – это не коммунизм, коммунизм – это болезнь, что путать Россию с коммунизмом – все равно, что путать больного с его болезнью, этот Лимонов писал порнографические романы, а потом понюхал – как-то воздух повернулся иначе, и он стал профессиональным патриотом и теперь этот сопляк меня поучает, что я не должен заниматься национальной идеей. Так я ею 20 лет занимался!

ПАРТИЯ ЖИРИНОВСКОГО

– О партии Жириновского мне приходилось говорить и на Западе, и здесь. Запад перепугался Жириновского до ужаса, просто затрясло его. Я ответил: слушайте, это карикатура на русского патриота. Это как если бы кто-то нарочно создал вот такую фигуру, чтобы вызвать во всем мире ненависть к русскому патриотизму, ненависть к русскому национальному сознанию...

САМАЯ БОЛЬШАЯ НАХОДКА

– Конечно, я был и остаюсь в первую очередь писателем. В работе «Как нам обустроить Россию» я размышлял именно как писатель, как историк. Другое дело, что пользы-то от 27 миллионов экземпляров брошюры оказалось немного, да и не могло быть больше. Горбачев заболтал ее. Причем я в последние три года тщательно следил за событиями в России, отбирал факты, даже делал картотеку. В поездке убеждаюсь – факты совпадают. А вот личные впечатления не всегда. Издалека казалось хуже, беспросветнее, чем оказалось наяву. И главное мое впечатление состоит именно в духовном общении. Я за это время встретил массу людей живой души, надежд, стойкости принципиальной. Они живут вопреки всему, в том числе и нищете, живут по инерции правды, по инерции сердца. Эта находка самая большая. И я в дороге записываю, веду картотеку, систематизирую, обрабатываю каждый вопрос с учетом мнения сотен людей. И уже такие полные, всеохватные вопросы потребуют решения на государственном уровне.

Когда говорят, что «поэт в России больше, чем поэт», то это еще отнюдь не значит, что он политик. Политическая область, с точки зрения качества человеческого творчества, стоит ниже философской или художественной деятельности. Я не собираюсь быть политиком. Никакого поста я не займу. Я буду действовать только своим словом и влиянием на умы людей, насколько оно у меня есть.

P.S.

Редакция благодарит Валерия Головина (Владивосток – Хабаровск), Андрея Островского (Владивосток), Сергея Зиннера (Ангарск), Михаила Смородинова (Пермь), Валентину Курикалову (Ярославль), чьи корреспонденции, интервью и диктофонные записи легли в основу этого материала.

285